
Ф. Э. ШЕРЕГИ

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В СОЦИОЛОГИИ

Предлагаются динамические категориальные модели в социологии, строящиеся с применением диалектической логики. Рассматривается генезис таких социальных институтов, как право, политика, девиация и образование.

Ключевые слова: общественно-экономические формации, социальные институты, право, политическая система, девиация, образование.

Социологию как науку принято считать иерархической. Первый уровень, наиболее тесно связанный с социальной практикой, – прикладная социология, работающая с *социальными фактами*. В своих логико-познавательных возможностях она ограничена нормативностью социальных фактов и непрогностичностью моделей, построенных на основе эмпирических данных. Методы прикладной социологии в основном заимствованы из других наук, прежде всего из математической статистики, поэтому в достаточной степени стандартизированы.

Второй – средний уровень: теории строятся на принципе структурного функционализма. Их содержательную основу составляют *социальные институты*. Эти теории сегодня развиты фрагментарно, и хотя не вызывает сомнений, что в их основе лежат *распределительные отношения*, среди ученых нет консенсуса по поводу определения социальных институтов.

Третий уровень – цивилизационный, использующий в качестве основного логико-познавательного метода *принцип историзма*. Это динамические *категориальные модели*, строящиеся с применением *диалектической логики*.

Диалектическая логика оперирует не числами и не эмпирическими социальными фактами, а вербальными категориями (Гегель 2006). Изложим исходную позицию.

1. Динамическая теория цивилизаций должна опираться на метод исторической ретроспективы, используя при этом не описание, а вербальные категории, обозначающие «кульминационные точки»

как исторические стадии (формы) расцвета соответствующей цивилизации. Этого «минимума», согласно теории распознавания образов (Дертоузоc 1967), достаточно для того, чтобы, опираясь на законы логики, построить теорию. Для примера изобразим схему некоторой модели, состоящей минимум из шести точек (см. рис. 1). Если эти точки соединить прямыми линиями, поддающимися математическому анализу как система линейных уравнений, то «проявится» достоверно распознаваемая модель рыбы (см. рис. 2). При меньшем числе точек распознаваемость объекта усложнится или окажется вообще невозможной.

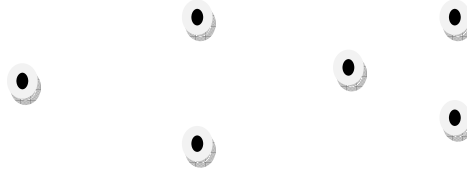

Рис. 1. «Кульминационные точки» объекта анализа

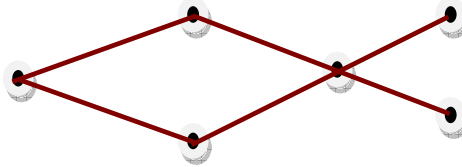

Рис. 2. Образ объекта анализа

Категориальные модели цивилизации включают пять таких «точек», выраженных вербальными категориями, сообразно числу цивилизаций исторического развития. *Пять исторических форм цивилизации* – это не субъективный выбор и не просто выделенные К. Марксом общественно-экономические формации, а *обусловленные природой естественные состояния развития человеческой общности в качестве пяти рас*¹. При моделировании истории Гегель склонялся к триаде категорий, обозначая доэллиническую историю одной категорией – *варварство* и далее – *эллиническая* и *постэллиническая* цивилизации (ср.: Тойнби 2003). Триада легко объясняется

¹ Автор придерживается гипотезы, согласно которой для выделения индоевропейской расы нет однозначно верифицируемых критериев. Ее необходимо разделить на две самостоятельные расы: индоидную и семитскую. Кроме того, для гносеологических целей следует выделить славянскую расу. Тогда их получится пять: негроидная, монголоидная, индоидная, семитская и славянская. Основные «индикаторы» индоидной расы – цыгане, семитской – евреи. Обе эти группы максимально дисперсные, расселены по всему миру, однако генетически не подвергаются ассимиляции иными этническими группами.

одним из трех законов диалектики – отрицания отрицания. Маркс писал о пяти *общественно-экономических формациях* истории, которые, по нашему мнению, правомерно принять за *формы цивилизации*. Гегель рассматривал эволюцию духа исходя из того, что до феодализма в качестве социального субъекта доминировал *индивид*, а духовно полноценная *личность* еще не сформировалась. Личность как массовое историческое явление сформировалась окончательно тогда, когда при достижении самосознанием своей завершенности произошло *отчуждение индивида от природы* и персонификация последней, что привело к паритетным «отношениям» личности и природы в форме религии. Маркс рассматривал социально-экономическое развитие общества, и для теоретической социологии этот подход более приемлем. Как показал Ф. Тэкеи (Tökei 1977), закон диалектики полноценно действует и при пяти «кульминационных» точках истории: первобытная община (племя) как единичное отрицается семьей (семейной общиной) как особенным, которая, в свою очередь, отрицается кастовой (феодальной) формацией как всеобщим. В предыдущей триаде феодальная община – замыкающая, и она же есть единичное для последующей триады: феодализм отрицается капиталистической формацией как особенным, отрицание же последней осуществляется коммунистической² общественно-экономической формацией как всеобщей, включающей в себя в «снятом» виде все предыдущие формации.

2. В основе категориальных моделей социологии лежат социальные институты. Их столько, сколько имеется автономных механизмов для реализации *распределительных отношений*. Они важны для индивида с позиции собственного биологического воспроизводства, а для общества – с позиции социализации индивида или же достижения обществом своей максимальной духовности³. Социальные институты по содержательной функции (социальному предназначению) едины для всей истории цивилизации, но проявляются в различных формах на стадии расцвета общественно-экономических формаций, переходя друг в друга на основании законов диалектики (как последовательность: младенец, ребенок, мальчик, юноша, мужчина).

² Здесь «коммунистическая формация» используется как научная категория, введенная Марксом в теории формационного развития цивилизации. Автор игнорирует идеологическую интерпретацию данной категории и не считает необходимым придумывать новое название в угоду изменившейся идеологической конъюнктуре.

³ Если придерживаться изложенных Гегелем принципов онтогенеза духа, то слово «общество» можно заменить словом «природа».

3. Категориальные модели отображают динамику истории, синтезируя различные формы цивилизации в единый процесс социального прогресса, а каждая отдельная категория может рассматриваться в статике как понятие, поддающееся операционализации на основании формальной логики вплоть до социальных фактов, т. е. эмпирических индикаторов жизнедеятельности отдельных этносов, государств, социальных институтов, групп, предприятий и т. д. – как современных, так и прошлых. Так происходит переход от теории цивилизаций к социологической теории среднего уровня и от нее к прикладной социологии (эмпирическим исследованиям).

1. Социология права

Прикладной уровень любой науки развивается с опорой на ее внешние, квантифицируемые формы. В этом случае применимы различные методы математических моделей. Теоретический уровень науки, особенно социальной, предполагает моделирование сущности явлений, что не всегда возможно при использовании формальной логики.

Теория социальных наук основана на диалектической логике, оперирующей категориями. Это, как правило, *аналоговые модели, критерием истинности которых выступает социальная история*. Последнее обстоятельство предопределяет еще одну особенность построения социологической теории – ее *ретроспективный характер*.

Что касается теории, то ее построение затруднено отсутствием универсальной концепции, способной лечь в основу *динамической модели* социологии права, для которой *статическая модель* является лишь частным случаем, ограниченным исторически небольшим временным лагом. Большинство ученых по сложившейся традиции от Платона и Аристотеля истоки права связывают с государством, а иные, следуя воззрениям Т. Гоббса, О. Конта, – с семьей как первичным социальным институтом. Реже встречается стремление следовать концепции естественного права, в которой основной субъект – личность (концепции Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо). В качестве исходной модели для построения социологии права нам представляется наиболее перспективной концепция Гегеля, рассматривающего истоки права вне социального субъекта, как *гносеологическую категорию*, соединяя ее с субъектом лишь при поиске форм права.

Рассуждая о праве в сочетании с субъектом, по сути, говорят лишь об одной из *форм* проявления права, а посему – об интеракционистской или аксиологической характеристике субъекта, но не права. Из этого следует, что в отличие от статического состояния, predeterminedного эмпирическими индикаторами, анализ динамики права, его *онтогенеза*, в гносеологическом плане возможен только как анализ *семантической категории*, в ее отвлеченности от субъекта. Это противоречит принципам познания, основанным на формальной логике, но соответствует принципам диалектической логики.

Элементарный пример: яйцо – не цыпленок, цыпленок – не курица, курица – не яйцо. Анализируя изолированно каждый из этих объектов, мы никогда не сможем дать ответ на вопрос о порождающих их источниках. Только все вместе они составляют целое, замкнутый цикл воспроизводства. С позиции логики познания никого не смутит тот факт, что понятие «яйцо» никак не вписывается в понятие «курица». Это разные качества в статике, однако в динамике они переходят друг в друга.

По аналогии с приведенными примерами теоретический анализ права как социального института включает категории, на первый взгляд не имеющие к нему отношения. Однако с позиции гносеологии *кажущиеся несовместимыми понятия взаимосвязаны как разные стадии развития одного и того же социального института*. При этом следует учесть, что семантические категории, означающие начальную и конечную стадии развития социального института, отражая не *форму*, а *сущность*, не имеют эмпирического аналога, но это не нарушает истинности построенных с их использованием категориальных моделей.

Через подобную ступень становления проходили и естественные науки, используя вначале для отображения количественных отношений реальные вещи, в последующем перейдя к «пустым» понятиям в виде числительных. И сегодня при написании соотношения $1 + 1 = 2$ никто не спросит, что это за вещь – один и как ее себе представить. Все понимают, что один – это *абсолютная форма без содержания* («ничто») и одновременно по законам диалектики – *абсолютное содержание*, вмещающее все формы.

Согласно концепции Гегеля, *право* как философская категория есть *насущенное бытие*, которое одновременно является и *обязанностью*. Будучи двумя сторонами целого, право и обязанность образуют *противоположности*. Нарушение их баланса ведет к *проти-*

воречию, составляющему источник развития права (обязанности). Развитие всегда предполагает взаимодействие обоих составляющих: право не существует без обязанности, а обязанность – без права. Их равновесие есть результат завершенной системы права, воспринимаемой субъектом соответствующего исторического периода как *социально справедливая*, – это *мера* права. Опираясь на концепцию стадий развития цивилизации (Гегель) и общественно-экономических формаций (Маркс), можно выделить пять форм завершенных для конкретного исторического общества (цивилизации) моделей права, в процессе истории в онтогенезе переходящих друг в друга:

1. Право членов племени на расширенное воспроизводство рода: на обмен веществ (биологическое воспроизводство индивида в результате потребления) и продолжение рода (генетическое воспроизводство продолжателя рода).

2. Право на выполнение социальной роли в архаичном государстве, основанном на экономическом союзе семейных общин.

3. Право на кастовый статус в феодальном государстве.

4. Право на частную собственность (на вещную идентификацию).

5. Право на выбор жизненной траектории (свобода от принуждения со стороны социальных институтов).

Рассмотрим онтогенез перечисленных исторических моделей права.

Бытие как *сущность* имеет *форму* – субъект права. Исходный субъект права – *индивид*, а право – критерий взаимоотношения индивида и общества (в социологической интерпретации – взаимодействия индивидуального и социального, свободы и принуждения). Этот вывод близок теории естественного права, однако он как бы противоречит логике социологии, предметом которой является социум как продукт общественных отношений и структурный элемент социального института. Это действительно так с позиции предмета социологии как формы, но не с позиции гносеологии как чистой логики. В рамках последней индивид представлен как «социальный институт» – *первая ступень в категориальной модели права*.

В архаичном обществе (племени) основу права составляют принципы биологического бытия. Последнее здесь носит форму естественной целесообразности, выраженной в продолжении рода. Это биологическая целесообразность, и право в этих обществах

является *правом силы*. При этом сила – не вульгарное насилие, а поведение, соответствующее естественному требованию (одновременно обязательству) продолжить род; это не просто физическая сила, а внутренняя, онтогенетическая сила природы, диктуемая ею целесообразность. Если в сохранении и продолжении рода ключевую роль играет женщина, то уклад племени – *матриархат*. Это не исключает того, что при этом в вещном потреблении и владении женщиной приоритетное право сохраняется за физической силой мужчины, что соответствует принципу естественного отбора и воспроизводства рода.

Право архаичного, не оформленного в государство общества – племени уместно назвать *табу*, т. е. **запретом** как *принципом подавления индивидуальной свободы*. В запретах, выполняющих функцию обеспечения равновесия социальных отношений племени, аккумулируется и овеществляется природная целесообразность.

С углублением общественного разделения и роста производительности труда формируется групповая собственность, в *архаичных государствах* трансформирующаяся в *семейную собственность*⁴. В социальных отношениях доминирующим становится обоснование права на коллективную (семейную) собственность, соотношенную с социальной ролью семьи в межсемейном экономическом взаимодействии. Межличностные отношения внутри семьи проецируются на экономические взаимоотношения между семьями как автономными экономическими субъектами и становятся структурообразующими элементами архаичного государства. Эти элементы обретают форму псевдоморали, выраженной в символах *мифа* (мифологемах), их система образует идеологию архаичного государства. Таким образом, в предметной области правовых отношений внутри архаичных государств доминирует не мораль, а **этика**, соответствующая мифологическому общественному сознанию. Такая модель права характерна для архаичных государств азиатского Востока, а принципы его социального действия аккумулированы в этических учениях Конфуция.

Усиление общественного разделения труда ведет к распаду автономного семейного уклада архаичного государства. Происходит

⁴ Речь идет об экономических «макросемьях», основанных на общественном разделении труда и включающих порой десятки тысяч членов, объединенных родовым союзом. В таких семьях, типичных для Юго-Восточной Азии, родство означает не кровную связь, а социальную роль, вытекающую из трудовых обязанностей в общественном разделении труда и в соответствии с этим из места индивида во внутрисемейных распределительных отношениях. Такая семья в структурном отношении больше похожа на племя, чем на нынешнюю модель нуклеарной семьи.

стратификация семей по их месту в общественном разделении труда, а сами социальные страты получают «правовое» закрепление, превратившись в кастовые корпорации (типичный пример – индийское общество).

С распадом горизонтального экономического взаимодействия семей масштабы социально значимой собственности сужаются до клана. Право лишается этического начала и обретает абстрактную форму, образуя *идеологию*. Мифологемы этических правил регулирования социальных отношений уступают место **морали**, имеющей классовый характер. Мораль отчуждена от общества, и «творец» морали, он же «судья» и «исполнитель» судебной воли, «выносятся» за пределы общества, как правило, в персонифицированном виде. Такая система права наиболее полно представлена в иудаизме, который (как и вышедший из его лоно ислам) пытается избежать персонификации морали, однако это ему не удается даже на уровне истоков морали, ибо латентно творец «законов» персонифицирован в иерархическом взаимодействии сторон «соглашения». Что касается адаптации иудаизма к традициям народов, ранее пребывавших в язычестве, то здесь в форме христианства произошла всеобщая персонификация морали. Мораль – это право феодального общества, провозглашающего ее принципы от имени внеземного, внесоциального верховного судьи, а посему за последствия правотворчества социальные институты феодального общества ответственности не несут. Творец закона, правосудия и исполнитель судебной воли – един в трех лицах. Эти функции лишь «делегированы» социальным институтам, но сами институты не претендуют на единоличное обладание ими. Эта модель права характерна для кастовых (в Европе – сословных) феодальных обществ.

По мере индивидуализации собственности, «овеществления» личности институциональное право уступает место *цивильному*, регулирующему общественную жизнь демократического государства. Основным регулятором общественных отношений выступает **закон**. Степень демократии в рыночных государствах обусловлена динамизмом производства и величиной прибавочного продукта, от которого зависит характер распределительных отношений. Право вновь обретает предметный характер в виде правовых норм функционирования социальных институтов и граждан. Из абстрактной идеологии оно превращается в инструмент классовой политики. Если в архаичных государствах, построенных по принципу семейных отношений, право представлять экономические интересы се-

меей делегировано бюрократии, то в государствах капиталистического типа с господством частной собственности право становится тождественным бюрократии. Мораль как божественный закон (заповедь) уступает место *цивильному закону*, согласно которому права личности, семьи, социальных групп легитимны лишь постольку, поскольку они соответствуют экономическому потенциалу государства. Подобная модель права является динамичной и перманентно корректируется в соответствии с изменением экономической ситуации в государстве. С классовых позиций это право можно назвать социально справедливым, но оно преисполнено противоречий, которыми насыщено само гражданское общество. Такое право отчуждено от личности. Оно нацелено на защиту интересов олигархического государства, являющего собой союз монополистической буржуазии и государственной бюрократии – средство подавления анархии как формы протеста личности против любых социальных институтов как органов общественного насилия. В таких условиях государство выполняет для своих граждан роль опекуна, ибо граждане нужны как «начинка» этого социального института, являющегося «родительским лоном» бюрократии. Отсюда приоритет социальной политики в правовых государствах.

Высокий динамизм правового государства ускоряет его кризис, ведет к сближению закона и морали. Мораль трансформирует закон как инструмент внешнего (общественного) принуждения личности в *побудительный мотив* ее социального поведения. Зарождается «нравственный закон», ориентированный на естественную (природную) целесообразность общественных отношений, основным регулятором которых является **совесть**. Эта будущая модель «права» призвана гарантировать равновесие в форме *социальной экологии*. Она одновременно означает «растворение» права, ибо «право» здесь, как и в случае *права силы*, не выражено в конкретной *форме* (не кодифицируемо), а лишь служит гносеологической категорией для обозначения завершающего этапа онтогенеза права. *Это этап тождества права и обязанности во взаимоотношении общества и природы*, т. е. индивидуального и социального.

Итак, право как регулятор социальных отношений имеет пять исторических форм, органически взаимосвязанных и исторически перерастающих друг в друга, выраженных в вербальных категориях: **запрет** как основная принудительная форма регулирования отношений между индивидом и племенем (первобытным обществом) при доминанте природной необходимости (по Ницше); **этика** как

основной регулятор общественных отношений в семейной общине, представляющей собой первую форму общественного разделения труда и названной Марксом «азиатским способом производства»; **мораль**, регулирующая поведение личности в кастовом, т. е. феодальном, обществе; **закон** как регулятор основанных на капитале классовых отношений; **совесть** – внутренний стимул социального поведения в обществе, лишенном социальных институтов как форм распределительных отношений и социального принуждения. Первая (запрет) и пятая (совесть) категории выполняют сугубо гносеологическую роль, не имея конкретных вещественных форм выражения. Они сами суть чистые формы в том смысле, что запрет в племени не предполагает наличия прав, здесь *индивид есть естественное абсолютное «право»*, в котором необходимо генерировать обязанности, чтобы в соответствии с природной целесообразностью обеспечить жизнедеятельность племени. *Запрет есть вытеснение прав обязанностью*, одновременно *принятие индивидом обязанности есть свобода* (по Гегелю, свобода – это осознанная необходимость), в чем и проявляется противоречие права и обязанности.

Совесть есть абсолютная обязанность *личности* и предполагает выбор ею поведения в обязательном согласии с социальной экологией, т. е. следуя природной целесообразности. *Совесть – это абсолютная обязанность*, отрицающая право как внешнее институциональное принуждение, и как таковая – *полная свобода личности*.

Ни в запрете, ни в совести нет принципов права, т. е. социального содержания, есть только естественное состояние, в первом случае *индивида*, во втором – *личности*.

2. Социология политики

Мера политики – *компромисс*, регулирующий баланс социальной группы (племени, семьи, касты, государства, общества), экологическую гармонию между полами. Взаимоотношение полов – *сущность* политики, ее *форма* – распределительные отношения.

Построение теории социологии политики на основе формальной логики, т. е. в опоре на внешние индикаторы политики (формы власти и институциональные инструменты), не раскрывает ее сути, ибо отождествляет власть с инструментом власти. Государство – это не власть и даже не форма власти, а лишь ее инструмент, кото-

рый, естественно, имеет свои формы. *Власть*⁵ – это доминирование в регулировании распределительных отношений. Именно реализация этой роли гарантирует выживание того или иного сообщества, его физическое продолжение. *Борьба за власть* – это борьба за доминантную роль в распределительных отношениях. Она же является стержнем биологической эволюции и борьбы человеческих общностей за выживание (эволюционный принцип Дарвина). Сущность политики – отношение полов – всегда остается неизменной. Меняется ее форма – механизм распределительных отношений.

Рассмотрим более детально, почему в распределительных отношениях генератором противоречия выступает взаимоотношение полов. Для этого используем принцип историзма в контексте смены общественно-экономических формаций.

Функция взаимодополнения полов в племени – это воспроизводство человеческого рода. Сам по себе этот процесс биологический и не предполагает социальных отношений, однако он не может обойтись без разделения труда. Дело в том, что физическое воспроизводство индивидов основано на потреблении. В племени эту проблему решал мужчина, а женщина в определенные периоды (предродовой, послеродовой) не могла гарантировать физического воспроизводства – ни своего, ни потомства. Это была функция исключительно мужчины, добытчика. В условиях скудности добычи или низкой производительности труда мужчина мог воспроизвести физически только себя, что способствовало укреплению в нем эгоизма как оправдания личного потребления и приоритета собственного выживания⁶.

⁵ Исходя из первоначальной запретительной формы права как всеобщей для племени, необходимости применения власти (силы) со стороны доминантной особи или особей для реализации запрета (табу), правомерно сделать вывод, что политик – это *доминантный самец*, даже если в последующем развитии цивилизации эта его сущность становится латентной и неосознанной.

⁶ Эгоизм – основа *агрессии* мужчин и суть их характера, что наложило отпечаток на весь процесс развития цивилизации. Он выражается в стремлении к *разрушению*, и даже творческая (созидательная) работа мужчин реализуется во имя разрушения (создание оружия, развитие государственных институтов для насилия и т. д.). Формируемая по принципам мужчин (и ими же) *цивилизация* есть не что иное, как разрушение естественных природных связей человека и их отчуждение путем создания альтернативной искусственной среды. Неслучайно, согласно «мужской» теологической концепции, логическим концом цивилизации должен стать *апокалипсис*. В этом отношении идею апокалипсиса правомерно назвать экстерниризацией сущности характера мужчин.

Задача женщины труднее: ей требуется продукт для собственного выживания, а также для выживания потомства.

Ситуация, в которой оказалась женщина, ожидающая потомство, стимулировала ее к поиску форм отчуждения части продукта (добычи), произведенного (добытого) мужчиной. Это было бы трудно в рамках нуклеарной семьи не только по причине эгоизма мужчины, но и потому, что в случае гибели мужчины велика была вероятность гибели женщины и потомства. Поэтому именно женщина была заинтересована в порождении общинных отношений, притом таких, которые всегда гарантировали бы для нее и ее потомства отчуждение части продукта, произведенного мужчиной. Проще говоря, *женщина как потенциальная «иждивенка» явилась инициатором зарождения социальных отношений*. Однако «инструментом» реализации социальных отношений стал мужчина, что создавало видимость *обретения им власти*.

Для обезличения (отчуждения) продукта (добычи), произведенного мужчиной, продукт должен быть обобществленным. Этого требовало и общинное потребление, основанное на принципе распределения по потребности, точнее, по целесообразности с точки зрения выживания племени. Как эквивалент отчуждения продукта, созданного (добытого) мужчиной, обобществленным (обезличенным) должен был быть и «продукт» женщины – биологическое потомство. В племени индивид не отделяет себя от продукта, и отчуждение последнего воспринимается им как отчуждение себя. Поэтому общинное отчуждение продукта, произведенного мужчиной, и потомства, «произведенного» женщиной (по сути – меновой процесс), есть взаимоотчуждение полов. Не будучи способными дифференцировать продукт по «стоимости», члены племени воспринимают такое взаимоотчуждение как эквивалентное, т. е. социально справедливое. Физическое воспроизводство индивида путем потребления и его биологическое воспроизводство (рождение) являются эквивалентными (равноценными), предопределяя меновые отношения как взаимное отчуждение полов.

Племя как форма общинных отношений (и власти) есть компромисс полов, гарантирующий эволюцию рода в относительно стабильных социальных условиях.

Идеология (оправдание распределительных отношений) родовой общины заключается в идентификации племени (и каждого его члена) с единым порождающим началом – *тотемом*, что способствует взаимному отчуждению различных племен и их автономии,

заложивших образование этносов. Институциональная форма тотемизма – шаманизм.

В отличие от кочующего племени в ходе исторического развития семейная община образуется в условиях оседлости, закрепляя за собой постоянный территориальный ареал как необходимое условие земледелия и основное средство производства. Если в племени *средством производства* является индивид, а орудием труда – потенциал *мускулов* индивида, то в семейной общине индивид выступает в качестве основного *орудия труда*. Новые условия способствуют углублению общественного разделения труда. В самостоятельные социальные институты выделяются оборона ареала и семьи, регулирование межсемейных отношений, межсемейный товарный обмен. В общественном разделении труда выстраивается иерархия. Оборона ареала ложится на мужчин, и они идентифицируют себя с этим средством производства. Поэтому они же являются собственниками основных орудий производства – членов родовой семьи и произведенной ими продукции.

Женщины как «производители» потомства производят «ролевых членов» семьи и тем самым – потенциальное орудие труда. Этим они гарантируют общественное признание важности своей функции в семейной общине и право на индивидуальное присвоение части продукта. Гарантия распространяется на весь период жизни потомства. Разделение труда становится осознанной и органической функцией любого члена семьи, включая женщин и старшее поколение (в некоторых племенах представители старшего поколения после потери своих производительных функций добровольно покидали племя и уходили из жизни). Женщины включаются в земледелие и обустройство быта, старшее поколение – в реализацию функций социальных институтов общественной надстройки. Популяция и структура архаичной семьи предопределены не кровным родством, а прежде всего *масштабами общественного разделения труда*, в которое включены члены семейной общины.

Функция трудовой повинности является социальной ролью, определяющей место индивида в семейной общине, и дифференцирует членов семьи лишь по полу и возрасту. Социальное отчуждение для женщин здесь полное – и как индивида (будучи орудием труда), и как «производителя» будущих членов родовой семьи (потенциальных орудий труда).

Семейно-ролевая функция способствует тому, что индивид идентифицирует ее не с трудовой повинностью, а с правом на до-

лю в общинном продукте. Отсюда – восприятие господствующих распределительных отношений как социально-справедливых, ибо неравенство трудовых отношений отодвигается на задний план. Публичность *ролевой доли* каждого члена семьи в распределении продуктов труда позволяет признать форму власти *демократией*, сущность которой – равноправное участие каждого члена общины лично или через представительство своих интересов в гласном распределении прибавочного продукта, произведенного обществом. Идеология такой политической системы – *мифология*, воплощенная в гиперболизации и персонификации семейных отношений (ролевых функций).

В надстройке семейной общины особое значение приобретает социальный институт обороны – *сословие* военных. Дальнейшее развитие общинных отношений происходит в направлении углубления разделения труда и специализации по вертикали в отличие от горизонтального разделения труда (и распределительных отношений) в семейной общине. Имеет место расслоение состоящего из родовых семей архаичного государства по критерию общественного разделения труда, что приводит к образованию *каст*. Этому способствует усиление экономических функций относительно развитых социальных институтов и надстройки.

Внутри каст дифференциация происходит по критерию кровного родства, и основным элементом, заинтересованно участвующим в распределительных отношениях, становится кровная семья, сохраняющая патриархальный уклад внутрисемейных отношений. Речь здесь идет не о горизонтальном доминировании мужчин в определении принципов распределительных отношений, а об их вертикальной иерархии. В кровных семьях женщины полностью отчуждены от участия в распределительных отношениях. Зарождается институт наследования сословного статуса по мужской линии. Сословный статус гарантирует роль в распределительных отношениях феодального общества. Этот статус наследуется (и персонифицируется) в лице старшего поколения (как правило – мужчин). Женщине отводится роль лишь потенциального «производителя» наследника сословного статуса (и собственности), но и она пользуется приоритетом власти *«старших»*. В итоге – доминирует власть только старшего («замыкающего») поколения, институционализируя кастовую политическую систему **геронтократии**.

Социальные взаимоотношения между полами сужаются до внутрикастовых. Вертикальная (межкастовая, межсословная) мобильность полов не допускается.

Система взаимоотношений внутри кровной семьи основана на принципе абсолютной власти старшего мужчины («отца»). Форма такой власти – **монархия**, которая переносится на все общество, образуя феодальное государство. Идеологически монархия оправдана моделью «святого семейства» – *религией*. Обретя форму социального института (храмы, религиозные союзы), *религия полностью определяет принцип распределительных отношений и в рамках государства, и между государствами*.

Дальнейшее углубление общественного разделения труда ведет к индивидуализации (капитализации) производственных отношений, сужению распределительных отношений до нукlearной кровной семьи. Взаимоотношение полов персонифицируется на уровне межличностных отношений. В распределительных отношениях формируется *равноправие полов*, закрепляемое законом.

Динамизм производственных и распределительных отношений затрудняет вещную идентификацию и тем самым статусное самоопределение личности. Многообразие отношений и вещных форм нуждается в универсальном эквиваленте, каковыми выступают деньги как залоговые гаранты. Наступает полное господство товарно-денежных отношений, для регулирования которых формируются социальные институты, гарантирующие неприкосновенность и неизменность доли собственности, символизируемой деньгами. Эти институты интегрируются в государство, выступающее главным гарантом дифференциации собственности, используя в качестве инструмента закон. Основным инструментом государственной идеологии становится «псевдонаука» в форме *схоластики*.

Право частной собственности не может быть гарантировано субъекту вечно, так как сам субъект – не вечен. Поэтому главным в праве собственности становится *право наследования* молодым поколением, что снимает с частной собственности (которая является персонифицированной) временное ограничение. *Капиталистическое общество обретает облик накопителя, работая на будущее поколение*. Такая психологическая установка субъектов капиталистического общества – двигатель технократической цивилизации.

Подобная политика (система распределительных отношений) – **ювентократия**. В распределительных отношениях правила диктует капитал, поэтому любой социальный институт функционирует с учетом интересов капитала, т. е. в целях его накопления. Инструмент власти – *олигархия*.

Правомерно предположить, что в дальнейшем товарное накопление (вроде бы во имя будущего поколения) как самоцель общества уступит первенство воспроизводству самой личности. Во взаимоотношениях между полами доминирующей станет не доля в продукте, а «доля» в потомстве. Это приведет к неравенству полов, характерному для архаичного племени, когда женщина зависела от доли продукта, произведенного (добытого) мужчиной. В будущем обществе мужчина будет зависеть от согласия женщины предоставить ему «долю» в воспроизводстве потомства. Предположительно это предопределенное природой будущее физиологическое неравенство между полами не породит социального неравенства. Общественная система этого будущего сообщества – **кооперация**, естественная гармония межличностных отношений. Механизм этих отношений – природная – экологическая – целесообразность, действующая в форме *сообщества*, идеология на уровне общества и мировоззрение на уровне личности образуют единство сознания в форме *науки*.

В сообществе отсутствует государство и институты власти (инструменты насилия). Такая форма «власти» – *анархия*.

3. Социология девиации

Социология девиации, несмотря на кажущуюся простоту конвенционального определения предмета, в теоретическом плане – одна из наиболее сложных отраслей социологии. Общепринятое сегодня определение звучит следующим образом: социология девиации – это наука о поведении индивида, в правовом или этическом плане не соответствующем общественным нормам. Стержень такого определения – отклоняющееся поведение индивида. С научных позиций недостаток такого определения заключается в нормативности. В различных обществах одни и те же формы поведения могут расцениваться и как девиантные, и как нормативные. Даже убийство может расцениваться общественным мнением и государственным законодательством как уголовное деяние, как юридически оправданное возмездие, как достойный восхищения и подражания героизм. С изменением норм общества меняются критерии девиации.

В диалектическом понимании девиация – это *взаимоотношение поколений*. Результирующие этого поведения – *прогресс* и *регресс*, взаимно переходящие друг в друга. Мера прогресса (и регресса) – *стагнация* (равновесие), означающая устойчивое состояние той

или иной исторической формы социальных отношений в течение некоторого временного лага.

Взаимоотношение поколений, включающее противоречие, есть источник, движущая сила социального прогресса или регресса. Прогресс (регресс) показывает направление развития отношений между поколениями в аспекте формирования социума (личности). В качестве механизма реализации и основного содержания взаимоотношения поколений выступают *производственные отношения*, опосредованные общественным разделением труда.

Пяти историческим формам производственных отношений (общественно-экономическим формациям) соответствуют пять форм социальной девиации, порождаемых противоречиями между поколениями. Рассмотрим становление этих форм сообразно развитию производственных отношений.

В *племени* индивид – основное средство производства, использующее только собственную мускульную энергию и примитивные орудия труда. Поэтому разделение труда носит псевдообщественный, преимущественно индивидуальный характер. Дифференцирован труд в основном по полу и возрасту. Рождение женщиной потомства рассматривается как «производство потенциального средства производства», а посему воспринимается как равноценное производству средств потребления, осуществляемому мужчиной. Идентификация с племенем обусловлена способностью индивида выполнять производственную функцию. Полноценное членство в общине для детей гарантировано их потенциальной производственной функцией (для мальчиков – как будущих добытчиков, для девочек – как будущих рожениц). *Конфликт имеет место только между молодым и старшим поколениями по поводу производственных функций*. Под молодым поколением в племени следует понимать женщин фертильного и мужчин трудоспособного возраста, а под старшим поколением – женщин постфертильного и мужчин нетрудоспособного возраста.

Так как членство в племени определяется производственной функцией индивида, то потеря способности участвовать в производстве (для женщин – в рождении потомства, для мужчин – в охоте) одновременно означает отчуждение от племени и негласное «исключение» представителей старшего поколения из распределительных отношений. Форма разрешения этого противоречия между поколениями – *суицид* представителей старшего поколения. Подобный «уход» из племени есть условие выживания самого племе-

ни как социальной общины и в этом, социальном, смысле – *прогресс*. В племени производительность труда настолько низка, что попытка прокормить еще одну группу иждивенцев наряду с детьми означала бы его верную гибель⁷.

Стремление к выживанию приводит к утверждению в общине собирательства и приручения животных. В последующем эти виды труда обрели массовую систематизированную форму в виде земледелия и пастушества (животноводства). В них успешно принимали участие представители старшего поколения как инициаторы и знатоки технологии, а также дети и женщины – как средство труда. Земледелие и пастушество требовали ограничения ареала жизнедеятельности племени, в последующем – его окончательного закрепления за племенем, что способствовало оседлости.

В условиях оседлости зарождается семейное сообщество, отличающееся тем, что в нем старшее поколение, будучи инициатором земледелия и животноводства, идентифицирует себя с территориальным ареалом как основным средством производства, таким образом занимая важное место в общественном разделении труда. В социальной сфере формируется иерархия ролей, в которой старшее поколение обретает место в высшей иерархии как инициатор оседлого способа жизнедеятельности. Остальные члены родовой семьи выполняют функцию средства труда. Эта роль гарантирует им иерархическое участие в распределительных отношениях. Но чтобы не было видимости эксплуатации молодого поколения старшим, распределительные отношения отчуждаются от трудовых и посредством *этики* отождествляются с признаком «родства». Этика предписывает «членам семьи» формы поведения и обязательства друг перед другом в зависимости от возраста и пола. Принадлежность к семейной общине обозначается племенным именем, например Цинь, носители которого могли составлять общину в десятки тысяч человек.

Ограниченность территориального ареала жизнедеятельности и идентификация распределительных отношений с «родством» сделали необходимым замыкание общины посредством запрета экзогамных и допущения только *эндогамных* браков (Ольдерогге 1983:

⁷ Проблема старшего поколения в истории всегда сохранялась, и она актуальна по сей день даже в экономически развитых государствах. Примеры же экономически обусловленных (не считая ритуальных) самоубийств представителей старшего поколения имели место и в недавнем прошлом, например добровольная смерть бездетных стариков-бурят во время засухи (см.: Трегубов, Вагин 1993).

11–21). Эндогамия – это браки между членами семьи, к которым молодое поколение «законодательно» принуждается господствующими производственными отношениями, а по сути – доминирующим в иерархии отношений старшим поколением. Форма разрешения этого противоречия и одновременно массовая девиация – *инцест*. В данном случае это понятие шире, чем кровный инцест между родственниками, и означает доминирование эндогамных половых отношений между членами большого экономического сообщества (родовой семьи), обозначенного (обособленного) единым родовым именем.

Прогресс эндогамии в условиях оседлой семьи – устойчивость социальных отношений, накопление элементов культуры и развитие этических отношений в форме принципов «родственных» взаимоотношений, в последующем перерастающих в широкие институциональные отношения. *Регресс* инцеста выражается в биологическом замыкании семей, их усиливающейся взаимной генетической изоляции за счет постепенной эволюции в *этнотыпы*, сужения избирательного действия принципа естественного отбора. В социальном плане происходит культурная самоизоляция этносов, приводящая к ограничению онтогенетического развития и межэтническому антагонизму.

Углубление общественного разделения труда, в том числе за счет развития орудий труда и расширения функций социальных институтов надстройки, способствует зарождению *кастового общества*. При этом в каждой касте сохраняются патриархальные формы распределительных отношений, гарантирующие исключительное право старшего поколения на собственность на средства производства. Наряду с патриархальностью внутри каст выстраивается кастовая иерархия производственных отношений, приобретающая институциональный характер и не допускающая межкастовой вертикальной мобильности. Во всех кастах (сословиях) собственником средств производства или институциональных функций выступает старшее поколение, а молодое, причем лишь его часть, обладает только перспективой наследования.

В целях снижения напряженности между поколениями, порожденной противоречием в производственных отношениях, она проецируется старшим поколением на *межэтнический уровень*. Такой возможности способствует биологическое и генетическое дистанцирование этносов, инстинктивно не заинтересованных в совместном продолжении рода. Энергия молодого поколения направляется

на межэтнический междоусобный конфликт, как правило, под патриотическими и религиозными (например, войны обедневших рыцарей-крестоносцев) лозунгами. Основная «статистическая» причина таких войн – *стремление старшего поколения избавиться от конкурентов в лице молодого поколения.*

Форма разрешения межпоколенческого противоречия в условиях *феодализма*, иными словами, форма девиации – **убийство**. Это убийство старшим поколением под прикрытием идеологических лозунгов *собственного молодого поколения* путем его стимулирования к войнам.

Неквалифицированный сельскохозяйственный труд в феодализме позволяет использовать в качестве рабочей силы женщин, детей и стариков, заменяя ими молодых мужчин. Стимулирование старшим поколением массового убийства молодого поколения как девиация имеет *прогрессивную* социальную составляющую в форме межэтнического культурного обмена и межэтнической ассимиляции. Однако в нем содержится и *регресс*, выражающийся в биологической гибели народов и культур, *генетическом старении общества, подверженного массовым болезням и эпидемиям.* Сейчас мир находится на стадии завершения именно этой цивилизации.

Следующая стадия развития цивилизации – доминирование капитала, предельная индивидуализация общественного разделения труда. В таких условиях противоречие между поколениями в рамках производственных отношений становится латентным (неявным), поскольку индивидуализация и одновременно обобществление капитала в форме государственного патронажа (социального страхования и детей, и представителей преклонного возраста) создают у членов общества иллюзию социального равновесия и социальной справедливости. Наличие и характер противоречия наглядно проявляются в распределительных отношениях, в рамках которых *молодое поколение в массовом порядке отчуждает и результаты труда, и собственность* (включая собственность на средства производства) старшего поколения. В первом случае речь идет о длительном периоде иждивенческого состояния молодого поколения в связи со сложным механизмом воспроизводства социальной структуры: длительность общего образования и профессионального становления, семейного и имущественного самоутверждения. Во втором – о стержневой роли в капиталистическом обществе *права наследования.* Это означает, что *какое бы место ни занимали представители старшего поколения в общественном*

разделении труда либо в рамках отношения собственности, все накопленное ими в течение жизни имущество и собственность наследуются молодым поколением. Молодое поколение отчуждает и результаты труда (в период иждивенчества и в форме наследования имущества), и статус по отношению к частной собственности на средства производства старшего поколения. Такое массовое отчуждение, порождающее противоречие между поколениями, есть девиация, выражающаяся в **воровстве** (используя экономическое понятие – в экспроприации).

Прогресс этих отношений между поколениями заключается в интенсивном накоплении материальных и цивилизационных ценностей, значительно расширяющих общественные связи личности, ведущих к глобализации межэтнических связей за счет унификации потребления (максимального присвоения продукта, создаваемого старшим поколением). Этот процесс становится интенсивным потому, что в рамках производственных отношений «дармовое» присвоение стимулирует молодое поколение идентифицировать себя с максимумом вещей, материального имущества и институциональных функций, символизирующих социальный статус личности. Он способствует динамическому интеллектуальному развитию личности путем ее включения в связи с максимумом референтных групп.

Регресс воровства состоит в том, что стимулируемое производственными и распределительными отношениями безграничное потребление приводит к крайнему дроблению труда и прагматизации психологии личности, биологической деградации, нарушению экологического баланса, одним словом, *роботизации индивида*.

Суть будущих производственных отношений – приоритет воспроизводства потомства, решающая роль в котором будет принадлежать молодому поколению (прежде всего женщинам). Это воспроизводство будет лишено семейной формы, равно как и права семейной или личной собственности на потомство⁸. Материальное потребление потеряет свое качество быть ценностью. И общественное разделение труда, и институциональный (социальный) статус перестанут быть критериями распределительных отношений, в связи с чем деньги как универсальный инструмент распределит-

⁸ Мысль о распаде современной модели семьи как социального института и доминировании в будущем обществе социально не регламентированных половых связей высказывал Ф. Энгельс в сформулированных им принципах коммунизма.

тельных отношений лишатся своей органической функции (их просто не будет). Высокотехнологичное производство потребует минимального участия индивидов (представителей как молодого, так и старшего поколений) в традиционном производственном процессе (материальном производстве). Доминирующим в нем станет интеллектуальный потенциал, сам по себе не способный обрести ценностных функций, так как *вне рыночных отношений интеллектуальные способности не отчуждаются*. Для представителей старшего поколения это означает участие в интеллектуальном производстве, в том числе в форме обучения молодого поколения.

В распределительных отношениях равноценную значимость приобретут два процесса: с одной стороны, непосредственное участие молодого поколения в воспроизводстве потомства и материальном производстве, с другой стороны, *овеществленный интеллектуальный труд прошлых поколений*, лежащий в основе технологии производства, вещной и духовной культуры общества. *Монополией на овеществленный прошлый интеллектуальный труд будет обладать старшее поколение*, владеющее знаниями, а молодое поколение будет лишено такого права, так как оно находится в процессе усвоения этих знаний (социализации). Производственная идентификация старшего поколения, выражающаяся в номинальном присвоении овеществленных результатов прошлого (чужого) труда (и в виде передачи прошлых знаний молодому поколению, и в виде их использования для собственной интеллектуальной производственной деятельности), будет цикличной, ибо по истечении времени также станет уделом стареющего молодого поколения.

Самоидентификация старшего поколения для экономического «оправдания» своего полноценного участия в распределительных отношениях с овеществленными результатами интеллектуального труда *прошлых поколений* с социальной позиции есть девиация, которую уместно назвать **некрофилией**⁹. В данном случае речь идет о гносеологической категории, а не о нарицательном термине.

Прогресс такой формы разрешения противоречия поколений выражается в полной нейтрализации этого противоречия и завер-

⁹ Автор в выборе категории «некрофилия» исходит из разделяемой им позиции Гегеля, согласно которой все овеществленные объекты цивилизации (культуры) есть омерщвление духовности, т. е. «трупы» деятельности человека, и в этом случае использование омерщвленной «продукции» прошлых форм цивилизации в целях воспроизводства собственной жизни эквивалентно *некрофилии*. Речь идет об «интеллектуальной некрофилии» в отличие от господствовавшей в Древнем Египте «физической некрофилии».

шении развития форм социальной девиации, а *регресс* (в социальном плане) – в разрушении институциональных механизмов социального развития, когда развитие личности будет подчиняться иным, неинституциональным законам.

4. Социология образования

Традиционно принято считать, что объект образования – молодое поколение, не участвующее непосредственно в производственном процессе и находящееся на иждивении у старшего поколения. Чаще всего отсюда проистекает и сомнение со стороны обществоведов в том, является ли образование социальным институтом. Покажем, что оно таковым является и имеет отношение и к производству, и к распределению прибавочного продукта.

В первобытном обществе (племени) говорить об образовании в нынешнем понимании этого явления не приходится, ибо старшее поколение не тратит энергию на деятельность, непродуктивную с позиции производства (добычи и связанных с ней работ). Иное дело, когда процесс «обучения» ведет к увеличению объема добываемого продукта и снижению бремени иждивения. Если молодое поколение, находящееся на иждивении старшего поколения, вовлечь в практику добычи и иных форм трудовой деятельности хотя бы с частичным успехом, то можно получить некоторый прибавочный продукт, распоряжаться которым будет старшее поколение (племя). Иными словами, с молодого поколения требуется получить пользу в форме добытого им *прибавочного продукта*, являющегося таковым в соотношении с добычей старшего поколения. Это *процесс экономической эксплуатации молодого поколения путем его привлечения к производству через обучение* (за неимением навыков), которое в племени имеет форму **подражания**. Старшее поколение обучает молодое навыкам производственной деятельности путем его непосредственного включения в практику по формуле «делай как я». Учитывая тот факт, что конечный продукт такого «производственного обучения» не становится собственностью либо предметом единоличного потребления обучающегося индивида, с позиции экономики, точнее, распределительных отношений, этот процесс правомерно назвать эксплуатацией. Итак, с позиции диалектики *образование есть отношение эксплуатации*.

Содержание эксплуатации как гносеологической категории – отношение между молодым поколением, по инерции стремящимся сохранить свой статус иждивенца, и старшим, которое этот статус

стремится разрушить, видя в молодом поколении свое «производственное дополнение».

Возможность получить прибавочный продукт подсознательно идентифицируется старшим поколением с *производительностью труда*, «техническим инструментом» которого выступает молодое поколение, а «технологией» – образование.

У члена племени понятия «прибавочный продукт» и «эксплуатация» не дифференцированы, поэтому понятие «эксплуатация» в массовом сознании не содержит отрицательного смысла.

Образование в форме подражания неминуемо порождает *трудолюбую конкуренцию*, которая стимулирует молодое поколение совершенствовать свои производственные навыки. Конкуренция продолжается всю жизнь, являя собой способ статусного самоутверждения индивида в племенной общине. Конкуренция в производственном процессе (процессе добычи) стимулирует совершенствование трудовых навыков и накопление индивидом любого возраста новых знаний, придавая образованию перманентный характер, сегодня называемый *непрерывным образованием*.

Приобретение навыков труда посредством подражания и стремления превзойти «учителя» в конкуренции воспринимается молодым поколением как *игра*, и потому *соперничество в сознании молодого поколения не идентифицировано с собственно трудовым процессом и производством прибавочного продукта*. Трудовой процесс выступает лишь условием («полем») соперничества. Произведенный молодым поколением в ходе подражательного участия в производстве прибавочный продукт обретает для него функцию индикатора «выигрыша» или «проигрыша», символизирующего степень преимущества или отставания в соперничестве. С позиции племени *результат такого соперничества есть показатель выживания общины (способности выживания) в будущем*. Считая молодое поколение будущим прообразом племени и стимулируя его к участию в производстве путем подражания (образования), взрослые идентифицируют этот процесс с воспроизводством племени, определяя будущее состояние (выживаемость) племени по результатам конкурентного участия молодежи в производстве. Это архаичное восприятие *будущего, завершенного в настоящем*.

Процесс образования содержит две функциональные составляющие: профессиональное и социальное обучение. В первобытной общине первая функция является доминирующей и реализуется через подражание («самообразование»), предоставляя обучаю-

щемуся индивиду довольно большую свободу в освоении навыков производства (охоты) в соответствии со своими природными данными. Вторая функция реализуется директивно, ограничивая индивидуальную свободу посредством системы *запретов* (табу).

Углубление и дифференциация разделения труда, прежде всего за счет земледелия и оседлости, ведет к родовому структурированию племени, необходимости специализации, в том числе по причине появления таких элементов надстройки, как бюрократическое управление производственными отношениями и созданная для обороны прослойка профессиональных военных. Структурная дифференциация семейно-родового общества происходит по характеру труда, идентифицированного с социально-ролевыми функциями, имеющими форму «родства» и воспринимаемыми индивидом примерно так, как сегодня воспринимаются родственные роли в кровных семьях. По этой причине трудовые обязанности неизбежно отождествляются массовым сознанием с этическими предписаниями (традициями) поведения индивида среди «родни». Латентная (скрытая) функция этих предписаний – служить принципами незыблемости распределительных отношений.

В такой модели, где производство и распределение в массовом сознании отождествлены с понятием *обязательство перед членами рода* (макросемьи), процесс образования с точки зрения сохранения устойчивости господствующих распределительных отношений достаточно фокусировать на *формировании этики*, т. е. принципов (предписаний, традиций, обычаев) взаимоотношения членом родовой «семьи», которые одновременно суть принципы ее жизнедеятельности. Несоблюдение этики ведет к исключению индивида из рода, потере им социальной роли, своей социальной (семейно-родовой) идентичности. Этика становится главным социальнообразующим стержнем рабовладельческой цивилизации и гарантом ее равновесия. По этой причине основной функцией образования становится формирование этического облика индивида, и в соответствии с этим исторически второй формой образования в семейно-родовой общине является **воспитание**.

На данной стадии цивилизации доминанта профессионального обучения уступает первенство доминанте формирования социального облика (в нынешних терминах – идеологического воспитания). Именно оно, а не разделение труда, гарантирует признание индивидом правомерности господствующих принципов распределения. В социальной структуре рабовладельческого общества мож-

но выделить три иерархические группы, критериями дифференциации которых выступают следующие социальные функции: управленческая, оборонительная и производственная. Этика как система социальных отношений обеспечивает *обратно пропорциональное* соотношение производства и распределения среди элементов социальной структуры и посему носит классовый характер, идеологически утверждая экономическую *эксплуатацию*. Образование здесь призвано гарантировать именно этот результат, концентрируя свои усилия на воспитании молодого поколения в духе беспрекословного соблюдения этических принципов социальных отношений. По сути, это была система «идеологического воспитания» всего населения в духе признания незыблемыми господствующих производственных, а следовательно, и распределительных, отношений в сформировавшемся плутократическом государстве (прообраз нынешнего олигархического государства). Поэтому правомерно утверждать, что плутократические архаичные государства азиатского Востока – это прообраз (или первичная форма) современных капиталистических классовых государств.

Принципы этики допускают как социальную, так и трудовую мобильность индивида, что мешает закреплению и безальтернативному наследованию социально-классового статуса и классовых распределительных отношений. Этика в большей степени допускает приоритет в потреблении, чем в накоплении.

Дальнейшее развитие цивилизации по направлению, в котором в общественное разделение труда «включаются» и духовные отношения, тем самым увеличивая потребляющую часть общества в ущерб производящей, требует углубления общественного разделения труда в целях увеличения объема прибавочного продукта. Это необходимо не для расширенного воспроизводства экономики, а для увеличения распределяемой доли в непроизводственной сфере, которая становится для индивидов более привлекательной, чем производственная. Привлекательная сфера нуждается в «увечковечении» для тех, кто ее в обществе представляет, т. е. возникает потребность в закреплении наследственности социального статуса групп, участвующих в распределении в сфере надстройки. Это, в свою очередь, требует сужения социального динамизма и такого же закрепления статуса производящих групп. Иными словами, должны были быть установлены единые принципы распределения по социальному статусу. Но эти принципы могут быть «привлекательны» лишь в том случае, если они носят классовый характер

и сохраняют обратную пропорцию в распределении среди производящего класса и класса надстройки – первые больше производят, вторые больше потребляют. Для класса социальной надстройки потребление является условным, и его величина лишь символизирует степень власти, т. е. степень права на большее присвоение. Собственно на потребление используется небольшая часть присвоенной продукции, основная ее часть составляет источник накопления. Именно потребность в накоплении излишков продукта, становящегося частной собственностью групп социальной надстройки, стимулирует последних к поиску устойчивых форм «консервации» накоплений, каковыми становятся произведения духовной деятельности: прежде всего архитектура, искусство, *теология*, в меньшей степени содействующая развитию производства и в большей – обоснованию принципов присвоения, каковые представлены в системе *морали*.

В такой ситуации свобода индивида в выборе своего профессионального и социального становления сведена к минимуму, у него нет возможности соотносить свои потенциальные природные задатки с теми профессиональными и социальными функциями, которые ему предлагает общество. Эти функции предписаны для индивида с рождения¹⁰, причем не только для тех, кто входит в состав производящей части общества, но и для тех, кто входит в состав структуры общественной надстройки. Складывается ситуация, при которой одни принуждены производить, а другие – потреблять. И приучает их к мысли об объективной обоснованности этого принуждения образование, посему тоже **принуждение**. Тех, кто «законсервирован» в производящей части общества, образование приучает трудиться на условиях простого воспроизводства (и потребления, и социального статуса, т. е. касты); тех, кто «законсервирован» в надстройке, образование приучает потреблять независимо от объема прибавочного продукта, предлагаемого для потребления. Так как последнее имеет физический предел, возникшее в потреблении противоречие находит форму своего разрешения в *накоплении*, которое становится «виртуальным потребле-

¹⁰ Например, в феодальной Европе крепостной мог получить условия для проявления своего природного таланта в качестве выдающегося ремесленника, музыканта, художника, артиста, но при этом он оставался крепостным, т. е. его социальный статус не менялся, разве что за счет выкупа. Но это был не социальный, а индивидуальный акт изменения статуса крепостного, не менявший общих принципов построения социальной структуры и распределительных отношений.

нием». Безграничное накопление не только способствует развитию духовной жизни феодального общества, но и является *формой первоначального накопления капитала* для будущего рыночного общества. В отличие от феодальной формы накопления в условиях расширения и активизации товарного рынка оно направлено не на духовное развитие, а на развитие производства, или в социальном аспекте – на *расширенное саморазвитие производителя*. Можно сказать так: производство стало выступать в качестве Левиафана, стремясь «пожирать» созданный им же продукт, возвращающийся к нему в виде универсального эквивалента – *капитала*.

В условиях острой конкуренции необходимость повышения производительности труда, соединения индивидуальных способностей и запросов производства в отношении профессии требуют социального раскрепощения индивида для придания рабочей силе необходимого динамизма. Потенциальная индивидуальная рабочая сила (индивид со своими природными задатками) должна быть приведена в синхронное соответствие с производственными потребностями предпринимателя, которые есть не что иное, как «персонифицированная» технологическая структура производства. Эта структура производства также «структурирует» индивида, который становится представителем некоторого профессионального статуса, «подменяющего» социальный статус и во многом предопределяющего образ жизни и образ мышления индивида. Синхронное соответствие профессиональной структуры населения и технологической структуры производства, включая управление им и распределительными отношениями, обеспечивается в соответствии с интересами производителя, также диктуемыми производственной технологией, спросом и предложением на рынке рабочей силы. На рынке труда правила диктует спрос, объективно обусловленный технологической структурой производства, а формирование предложения происходит путем обучения индивида в соответствии с запросами производства. Поэтому на стадии капиталистического общества основной формой образования выступает **обучение**.

С дальнейшим развитием цивилизации диверсификация науки во все отрасли производства увеличит долю интеллектуальной составляющей труда. Одновременно будет происходить превращение трудовой деятельности в образ жизни, что приведет к максимальной синхронизации индивидуальных способностей и характера труда. В этом случае сами природные задатки индивида станут естественной предпосылкой выполнения труда, который ему по си-

лам и который он может выполнить качественно. Принудительная форма образования утратит свою актуальность и перерастет в самообразование, основанное на информационном обмене. Доминирующей станет такая форма образования, как **информирование**. Образование станет перманентным (всеобщим), и эксплуатация, уже в виртуальной форме, «выйдет» за пределы функционирующего общества. Это будет эксплуатация живущим поколением обремененного в информацию знания как овеященной духовной деятельности прошлых поколений.

Литература

- Гегель, Г. В. Ф. 2006. *Феноменология духа*. СПб.: Наука.
- Дертоузос, М. 1967. *Пороговая логика*. М.: Мир.
- Ольдерогге, Д. А. 1983. *Эпигамия. Избранные статьи*. М.: Наука.
- Тойнби, А. Дж. 2003. *Цивилизация перед лицом истории*. М.: Айрис-пресс.
- Трегубов, Л. З., Вагин, Ю. Р. 1993. *Эстетика самоубийства*. Пермь: КАПИК.
- Tökei, F. 1977. *A társadalmi formák marxista elméletének néhány kérdése*. Budapest: Kossuth.